

Церковная иерархия в системе государственной власти России и учреждение патриаршества

АНДРЕЙ ПАВЛОВ

В историографии господствует точка зрения, согласно которой учреждение патриаршества в России в 1589 г. не оказало сколько-нибудь существенного влияния на характер церковно-государственных отношений на Руси и русская церковь продолжала оставаться в зависимости от государственной власти. По мнению Н. Ф. Каптерева, введение патриаршества означало лишь «внешнее украшение церкви».¹ Действительно, как уже отмечалось в литературе, инициатива в таком важном церковном деле, как учреждение патриаршества, целиком исходила именно от светской власти. Виднейшая роль принадлежала здесь правителю государства Борису Годунову, который вместе с дьяком Андреем Щелкаловым вел основные переговоры с приехавшим в Москву константинопольским патриархом Иеремией. Лишь после того как переговоры завершились и кандидатура на патриарший престол была определена царем и правителем Борисом Годуновым, церковный собор в январе 1589 г. провел процедуру «выборов» патриарха.²

С учреждением патриаршего престола были повышены в чинах и прочие русские иерархи. Архиепископы Новгородский, Казанский и Ростовский, а также епископ Крутицкий (патриарший викарий) были возведены в митрополиты; епископы Суздальский, Смоленский, Рязанский, Вологодский и Великопермский, Тверской – в архиепископы. Препжний чин епископа остался лишь за владыкой Коломенским и Каширским. Из Новгородской митрополии была выделена особая Псковская епископская кафедра. Сан архиепископа Архангельского (при московском Архангельском соборе в Кремле) получил архиепископ Арсений Елассонский, выступавший во время переговоров с патриархом Иеремией в Москве в 1588 – 1589 гг. сторонником учреждения патриаршества в России.³ Позднее, в самом конце XVI в. была учреждена епи-

1 *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. II. Сергиев Посад, 1912. С. 58-59.

2 См. подробнее: *Шпаков А.Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Одесса, 1912. С. 245-341; *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV – XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 345-363.

3 Предполагалось также учредить архиерейские кафедры в Нижнем Новгороде, Устюге Великом, Ржеве Володимерове, Белоозере, Брянске и Дмитрове. Епископы этих епархий упоминаются (правда, без имен) в приговоре об учреждении патриаршества 1589 г.

скопская кафедра в пограничной со Швецией Карельской области.⁴ В 1602 г. была открыта новая архиепископская кафедра в Астрахани, во главе которой стал Феодосий, бывший ранее архимандритом местного Троицкого монастыря.⁵ Своими новыми чинами и укреплением своего положения церковные иерархи в немалой степени были обязаны правителю государства Борису Годунову. И не случайно поэтому руководство церкви впоследствии активно поддерживало Годунова в политической борьбе и в его политике по укреплению самодержавной монархической власти в России.⁶

Однако нельзя не обратить внимание и на другую сторону проблемы – роль церкви и лично патриарха в деле укрепления позиций самодержавия. Следует отметить, что ранее (до принятия патриаршества) сам акт венчания на царство московского государя, осуществляемый митрополитом, не обладал полнотой юридической силы и требовал санкционирования константинопольским патриархом и вселенским собором.⁷ Учреждение в России своего патриарха, правомочного самостоятельно, без санкции константинопольского патриарха решать важнейшие внутрицерковные дела и, в частности, венчать на царство российских государей, способствовало повышению авторитета и престижа не только церкви, но и самодержавной власти в России. Показательно, что именно в годы царствования Федора Ивановича, в правление Бориса Годунова в титулатуре русского царя окончательно закрепляется наименование «самодержец» и что в это время происходит заметное усиление активности московской дипломатии в борьбе за признание за рубежом царского титула московского государя.⁸ С поставлением на Москве патриарха идея «Москва – третий Рим» получила законченное воплощение – теперь на Руси, как и в Византии, были и свой помазанный на царство самодержец, и свой патриарх. Ха-

(Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД). Ч. II. М., 1819. С. 101-102). Проект создания этих новых епископий не был, однако, претворен в жизнь.

4 В позднем варианте утвержденной грамоты об избрании на царство Бориса Годунова, подписи которой датируются началом 1599 г., впервые упоминается имя епископа Корельского и Орешского Сильвестра (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (ААЭ). Т. II. СПб., 1836. С. 45; Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. X. Л., 1978. С. 213).

5 Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. VI. М., 1996. С. 53.

6 Так, митрополит Крутицкий Геласий являлся одним из руководителей угличской следственной комиссии 1591 г., расследовавшей обстоятельства гибели царевича Дмитрия. Церковные власти оказывали услуги Годунову и его династии и позднее, в деле разоблачения самозванства Лжедмитрия I.

7 Симицына Н.В. Автокефалия русской церкви и учреждение московского патриархата (1448 – 1589 гг.) // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сборник статей. М., 1990. С. 147.

8 Савва В.И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 341-367; Филошкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 63.

рактарно, что теория «Москва – третий Рим» впервые получила официальное отражение именно в документации об учреждении патриаршества.⁹

Следует особо отметить исключительно важную роль, которую сыграло руководство русской православной церкви (и, в первую очередь, ее глава – патриарх Иов) в деле сохранения самодержавной формы правления в России в обстановке острого династического кризиса, разразившегося после смерти царя Федора Ивановича, последнего представителя прежней династии Ивана Калиты.

В обстановке междоусобицы реальная (как духовная, так и государственная) власть в Москве фактически находилась в руках патриарха. Так, в январе 1598 г. «по государыни царицы и великие княгини Александры Федоровны всеа Руси указу бояре князь Федор Иванович Мстиславской с товарищи сказывали (т.е. докладывали – А.П.) патриарху Иеву Московскому и всеа Руси» о возникших во Пскове местнических спорах между воеводами. Известны также грамоты по поводу местнических споров между воеводами, отсылаемые от имени патриарха в Смоленск.¹⁰ Патриарх Иов выступил главным инициатором созыва избирательного земского собора и был на соборе главным действующим лицом. В значительной мере прогонуновская позиция патриарха Иова и других высших церковных иерархов предопределила результаты царских выборов на земском соборе в 1598 г. Под непосредственным руководством Иова происходила выработка документации избирательного собора (и, прежде всего, основного соборного документа – утвержденной грамоты), в которой обосновывались права Бориса Годунова на царский престол. Задача эта была весьма непростая – избрание Бориса Годунова являлось первым опытом царского избрания в России. Необходимо было обосновать преемственность новой, выборной, династии с прежней династией «прирожденных» российских государей». И с этой задачей патриарх Иов и его канцелярия справились весьма успешно. Хотя в соборной утвержденной грамоте 1598 г. и подчеркивается факт «всенародного», представителями «всей земли», избрания на престол Бориса Годунова, согласно общей концепции этого документа, Борис был не столько народным избранником, зависящим от воли своих избирателей, сколько избранником Божиим. Божественное же «предызбранничество» Годунова проявлялось, согласно утвержденной грамоте, прежде всего в особой милости и благоволении к нему прежних «прирожденных» государей (Ивана IV и Федора Ивановича), в успехах его деятельности как правителя государства. Роль участников избирательного земского собора сводилась лишь к тому, что они предугадали Божий промысел и, следовательно, самому акту народного избрания придавалось как бы вспомогательное значение. «Тем же тебе убо, превеликий государь Борис Федорович, – говорил на соборе патриарх Иов, – не по человеческому единомышлению, ниже по

9 СГД. Ч. II. С. 97; *Синицына Н.В.* Автокефалия русской церкви... С. 148.

10 Разрядные книги 1598 – 1638 гг. М., 1974. С. 54, 58.

человеческому угодию предизбираем, но по праведному суду Божию... Богу на се наставляющу народ единоголасие имети... яко же пишет: глас народа глас Божий».¹¹ Божественное «предызбрание» ставило Бориса Годунова в один ряд с прирожденными российскими государями. Самодержцем, власть которому «дана от Бога от прародителей великих государей российских», представляли Годунова русские послы за границей.¹² И так, факт «всенародного» соборного избрания Бориса Годунова на царство не изменил самого существа самодержавной власти в России и не означал установления прямой зависимости русской монархии от сословий и сословных собраний, как это было в соседней Речи Посполитой.¹³ Составление утвержденной грамоты и другой соборной документации об избрании на царство Бориса Годунова сыграло, таким образом, весьма важную роль в решении судьбы русской самодержавной монархии. Утвержденная грамота 1598 г. была использована позднее как образец при составлении соборной документации об избрании на царство Михаила Романова.

Утвержденная грамота 1598 г. содержит текст присяги на верность царю Борису и новой династии. Эта присяга заканчивается угрозами отлучения от церкви и проклятиями в адрес тех, кто ее нарушит. Нарушители присяги рассматриваются в документе как «раскольники церкви Божия и всего православного христианства мятежники и разорители закона Божия».¹⁴ Преступления против государя и его семьи рассматриваются, таким образом, как преступления против церкви и самого Бога. Эти идеи получили развитие в крестоприводных записях 1598 г. на верность службы царю Борису, в которых впервые, еще за 50 лет до Соборного Уложения 1649 г., полно и четко были определены и классифицированы основные виды преступлений против государя как тягчайших преступлений против государства и церкви.¹⁵

11 ААЭ. Т. II. С. 19-22, 25, 55; Древняя российская вивлиофика. Ч. VII. М., 1788. С. 38, 42-48.

12 Савва В.И. Московские цари... С. 358-359.

13 В исторической литературе факт избрания Бориса Годунова на царство земским собором рассматривается как начало утверждения новой «земской», выборной династии. Отмечаются при этом необычайно широкие демагогические обещания избранного царя Бориса «ко всенародному множеству» о справедливом и милостивом правлении (см.: Скрынников Р.Г. «Земская» политика Бориса Годунова и борьба с голодом в начале XVII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 164-184). Однако в обещаниях Бориса Годунова быть «милостивцем великим» по отношению к подданным, как представляется, выражалась не столько доктрина «земской выборной власти», сколько кредо самодержавного монарха, стоящего над обществом.

14 ААЭ. Т. II. С. 41.

15 Князьков С.Е. О квалификации политических преступлений конца XVI – начала XVII в. // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 123-124.

Сказанное выше заставляет оспорить существующее в литературе мнение о том, что учреждение патриаршества не оказало влияния на характер церковно-государственных отношений на Руси. В конце XVI в. отчетливо наблюдаются процессы дальнейшей интеграции интересов государства и церкви, при этом церковь играла здесь весьма активную роль. С одной стороны, благодаря инициативе и деятельному участию светских властей в деле установления патриаршества в России иерархи русской церкви смогли повысить свой авторитет и влияние внутри страны и на международной арене. Но, с другой стороны, церковная иерархия во главе с патриархом оказала огромную услугу российскому самодержавию в кризисный момент его развития, и во многом именно первому русскому патриарху самодержавие было обязано своим сохранением и дальнейшим возвышением.

В конце XVI – начале XVII в. верхушка духовенства – так называемый «освященный собор» во главе с предстоятелем русской церкви – значительно чаще, чем прежде, приглашается в Москву для совещаний с царем и боярами о важнейших делах государства. Пожалуй, ни одна крупная политическая акция рассматриваемого времени не обходилась без участия верхушки духовенства – освященного собора. На собрании конца апреля (по юлианскому календарю) 1584 г., которое, согласно свидетельству Дж. Горсея, состояло из митрополита, архиепископов, епископов, настоятелей монастырей и представителей знати, обсуждались важные вопросы, касавшиеся преобразований в государственном управлении и назначении срока коронации нового царя Федора Ивановича.¹⁶ Решения о начале военных действий против шведов (ноябрь 1585 г.) и против литовцев (декабрь 1586 г.) царь принял на совместном совещании освященного собора и Боярской думы.¹⁷ В 1586 г. для заключения перемирия между Россией и Речью Посполитой предполагалось созвать представителей «всей земли» и, в первую очередь, представителей духовенства (освященный собор), бояр и воевод.¹⁸ В январе 1591 г. собрался «собор» в составе освященного собора и Боярской думы для обсуждения вопроса о перемирии с Польшей.¹⁹ На совместном заседании освященного собора и Боярской думы в июне 1591 г. заслушивался отчет о деятельности угличской следственной комиссии о смерти царевича Дмитрия.²⁰ 25 апреля 1598 г. царь Борис «приговорил» с патриархом Иовом «и со всем освященным собором и з бояры» об организации похода русской армии против крымского хана; 3 мая 1601 г. на совместном заседании освященного собора и Боярской думы царь принял решение о походе против крымских татар; 12 июня 1604 г. на совместном заседании освященного собора и Боярской думы был вынесен приговор о сборе служилых людей

16 Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 142.

17 Разрядная книга 1475 – 1598 гг. М., 1966. С. 362, 378.

18 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Кн. 16. Л. 89 об. – 90.

19 РГАДА. Ф. 79. Кн. 20. Л. 466 – 471.

20 СГГД. Ч. II. № 60. С. 121-123.

для борьбы с Лжедмитрием; 15 мая того же года царь Борис обсуждал на «соборе» с церковными властями (освященным собором), боярами, приказными людьми и дворянами вопрос о военных приготовлениях против крымских татар.²¹ Представители духовенства (освященный собор) привлекались и к обсуждению законов страны и, прежде всего, тех, которые затрагивали интересы церкви. На заседаниях освященного собора с участием Боярской думы были приняты приговоры 1580 и 1584 гг. о запрещении земельных вкладов в монастыри и об отмене тарханов; по приговору царя с патриархом Иовом «и всем вселенским собором» и Боярской думой был утвержден Судебник царя Федора Ивановича 1589 г.; на заседании освященного собора и Боярской думы в июне 1604 г. были установлены новые нормы, согласно которым с земельных владений служилых людей и духовенства должны были выставляться воины в поход против Лжедмитрия.²²

Как мы видим, собор церковных иерархов («освященный собор») во главе с патриархом созывался в Москву для участия (совместно с Боярской думой) в решении важных вопросов государственной и церковной жизни достаточно регулярно. Вероятно, именно совместные заседания освященного собора и Боярской думы (а не земские соборы) имел в виду Джильс Флетчер, описывая периодически созываемые (обыкновенно по пятницам) в царском Дворце собрания церковных и светских властей без участия представителей горожан и других сословий. В состав участников этих собраний (соборов), согласно Флетчеру, помимо самого царя, входили члены Боярской думы, «числом до двадцати (человек)» и «столько же известных духовных лиц» – сам патриарх, митрополиты, архиепископы «и те из епископов, архимандритов и монахов, которые пользуются наибольшею известностью и уважением»; при этом вначале свой голос подавали патриарх и духовенство, а уже затем – светские участники собраний.²³

Что же представлял собой этот «освященный собор», являлся ли он особым собором верхушки духовенства, полномочным от имени духовенства решать важнейшие вопросы церковно-государственной политики? Данный вопрос остается спорным в историографии. В литературе высказывалось мнение о том, что «освященный собор» представлял собой постоянное учреждение, коллегию высшего духовенства, аналог позднейшего Святейшего Синода.²⁴ Однако критики данного мнения указывают на то, что само понятие «освященный собор» имело в источниках XIV – XVII вв. весьма широкое употребление

21 Разрядные книги 1598 – 1638 гг. С. 27, 103, 104, 160, 161; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 53. С. 72.

22 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. № 40. С. 57-59, № 43. С. 61-63, № 53. С. 72-73; Судебники XV – XVI веков. М.:Л., 1952. С. 351, 366.

23 Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 27-29 (глава 8-я).

24 Виноградский Н. Церковный собор в Москве 1682 года. Смоленск, 1899.

и обозначало не только соборы верхушки духовенства, но и самые различные типы церковных собраний (как общецерковного, общегосударственного, так и местного уровней). Это дало исследователям основание усомниться в существовании на Руси какого-либо особого органа высшего духовенства, именуемого «освященным собором».²⁵ Обе точки зрения представляются нам крайними. С одной стороны, действительно, понятие «освященный собор» не было строго закреплено за каким-либо одним определенным типом церковных собраний. Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в источниках XVI – XVII вв. весьма отчетливо из общей среды духовенства выделялась его верхушка, которая обладала преимущественным правом на участие в обсуждении важнейших вопросов государственной и церковной жизни. Соборы представителей этого верхнего правящего слоя духовенства, также как и другие собрания духовенства, именовались «освященными соборами». Поэтому термин «освященный собор» в определенном, узком, смысле можно употреблять и при обозначении собраний высшей церковной иерархии.

Сам состав церковных иерархов был строго определенным и фиксировался особым рода документами – так называемыми «Лестницами соборных властей», в которых церковные власти расписывались в соответствии с их иерархическим положением. От конца XVI в. сохранился текст «Лестницы о соборных властях, кои были на соборе на Москве у Иева патриарха во 107-м (1598/99) году».²⁶ «Лестница» перечисляет имена высших церковных иерархов (4 митрополитов, 6 архиепископов и 3 епископов), настоятелей (архимандритов и игуменов) 47 крупнейших и влиятельных монастырей, а также 27 «соборных старцев» из наиболее значительных обителей. Подобного рода документы («лестницы» церковных властей) составлялись и в другие времена. Так, от 60 – 70-х гг. XVI в. сохранился расположенный в иерархическом порядке перечень епископских должностей и 39 важнейших монастырей.²⁷

25 *Лихницкий И.М.* Освященный собор в Москве в XVI – XVII веках // *Христианское чтение*. Ч. I. 1906. С. 17-18. – Подробнее историографию вопроса см.: *Вовина-Лебедева В.Г.* «Освященный собор» в источниках XIV – начала XVI вв. // *Cahiers du Monde russe*. 46/1-2. 2005. С. 387-389. – О широком значении термина «освященный собор» как собраний духовенства вообще, в том числе белого духовенства см.: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30 – 80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 146-150.

26 Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ЧОИДР). Кн. II. Отд. III. М., 1912. С. 39-41; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. О. IV.17. Л. 45-50 об.

27 Текст данного перечня дошел в составе рукописного сборника XVI в. из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Собр. Иосифо-Волоколамского монастыря. № 564 (ОР РГБ. Волоч. 564). Л. 85-86). Более точно датировать интересующий нас документ позволяет упоминание в росписи архиепископа Полоцкого. Известно, что Полоцк был взят русскими войсками в феврале 1563 г., а в августе 1579 г. русский гарнизон сдал город войскам Батория. – Выражаем искреннюю благодарность А.И. Алексееву, обратившему наше внимание на данный источник.

Известен текст «Лествицы властем царствующего и матери градом Москвы...», составленной при патриархе Иоасафе в 30-х гг. XVII в., в которой приводится перечень представителей верхушки русского духовенства (высших церковных иерархов во главе с патриархом, а также настоятелей 46 монастырей), обладавших, согласно преамбуле документа, преимущественным правом на участие в совете патриарха и в царских трапезах.²⁸ В «Лествицах» перечислялись лишь представители черного духовенства – епископата и властей крупнейших монастырских обителей. Представители верхушки белого духовенства, очевидно, не входили в состав высшей церковной «элиты» и не обладали правом обязательного участия в собраниях высшего духовенства во главе с патриархом. Характерно, что в «Лествице о соборных властях 107-го году» и в перечне представителей духовенства утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова (ее поздней редакции) значатся лишь представители черного духовенства. Однако в подписях в этой редакции утвержденной грамоты значатся также имена 11 московских протопопов, которые, очевидно, не были первоначально намечены для ее подписания.²⁹ Важно отметить, что состав и иерархическое расположение упомянутых в «Лествице» патриарха Иоасафа монастырей практически целиком совпадают с приведенным в X главе (статьи 32 – 82) Соборного Уложения 1649 г. перечнем монастырей, за бесчестье властей которых (архимандритов, игуменов, келарей, казначеев и соборных старцев) налагались особо крупные размеры денежных штрафов.³⁰ Это еще раз свидетельствует об особом, привилегированном, положении высшей церковной элиты по сравнению с остальной массой духовенства.

На основании заранее подготовленных перечней («Лествиц») высших церковных властей составлялись, очевидно, списки лиц, приглашаемых к участию в важных церковных собраниях общегосударственного уровня. Показательно, что в перечне духовных лиц, намеченных для участия в церковном соборе для выбора патриарха в 1589 г., имена настоятелей ряда монастырей не были представлены. Это обстоятельство дает основание для вывода о том, что рассматриваемый перечень представляет собой не список реальных участников церковного собора, а заранее составленный список церковных властей, которые в силу своего иерархического положения имели право участвовать в таком важном мероприятии, как избрание главы церкви.³¹

28 Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. III. М., 1836. С. 263-267.

29 ААЭ. Т. II. С. 41-48.

30 Соборное Уложение 1649 года. Текст, комментарии. Л., 1987. С. 34-36. – Из перечисленных в Уложении 1649 г. 49 монастырей только 4 являлись новыми по сравнению с «Лествицей» патриарха Иоасафа (Знаменский на Варварском крестце и Воздвиженский на Арбате в Москве, Богородицкий Тихвинский и Троицкий в Астрахани). В Уложении 1649 г. отсутствует упомянутый в «Лествице» патриарха Иоасафа Троицкий Болдин монастырь в Дорогобуже.

31 *Вовина-Лебедева В.Г.* Церковные иерархи XVI в. // Правящая элита Русского государства

Состав монастырей, настоятели которых входили к круг правящей церковной «элиты», в целом был традиционным и довольно устойчивым. Из упомянутых в перечне («лествице») высших церковных властей 60 – 70-х гг. XVI в. 39 монастырей все без исключения встречаются и в «Лествице о соборных властях» 1598/99 г.; совпадает в целом в обоих документах и сам порядок иерархического расположения монастырей.³² Достаточно высокую степень совпадения как самого состава монастырей, так и порядка их иерархического расположения мы обнаруживаем при сопоставлении перечней духовенства в «Лествице о соборных властях» 1598/99 г. и в приговорах церковных соборов 1580 г. (о запрещении вкладов вотчин в монастыри), 1584 г. (об отмене тарханов), в грамоте об избрании патриарха Иова 1589 г.³³ Из перечисленных в «Лествице» 1598/99 г. 47 обителей лишь три монастыря (Антониево-Сийский, Болдин-Дорогобужский и Успенский Тихвинский) не встречаются в перечне церковных властей 60 – 70-х гг. XVI в. и в соборных грамотах 1580, 1584 и 1589 гг. Не случайно в состав верхнего слоя духовенства в конце XVI в. были введены власти Костромского Ипатьевского монастыря, родового монастыря Годуновых. В соборной грамоте 1589 г. значится строитель Ипатьевского монастыря старец Гурий Ступишин, а в «Лествице о соборных властях» 1598/99 г. упоминается уже архимандрит этого монастыря Иоаким. Весьма незначительно менялся состав монастырей, настоятели которых входили в круг церковной «элиты» и в первой половине XVII в. Из перечисленных в «Лествице» патриарха Иоасафа 30-х гг. XVII в. 46 обителей подавляющее большинство (44 монастыря) значатся и в «Лествице» патриарха Иова 1598/99 г. Из новых обителей в «Лествице» патриарха Иоасафа упомянуты лишь Богоявленский в Костроме и Макарьевский Желтоводский с Унжи монастыри, с которыми имела тесные связи семья Романовых.

Приведенные выше данные заставляют оспорить утверждение И. М. Лихницкого об отсутствии на церковных соборах какого-либо определенного и устойчивого представительства духовенства, за исключением епископата.³⁴

IX – начала XVIII вв. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 278.

32 ОР РГБ. Волоч. 564. Л. 85-86; ЧОИДР. Кн. II. Отд. III. С. 39-41.

33 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. № 40. С. 57-58, № 43. С. 61; СГГД. Ч. II. № 59. С. 98-99.

34 *Лихницкий И.М.* Освященный собор в Москве в XVI – XVII веках... С. 28-30, 36-37. – Включение в «Лествицы» представителей некоторых новых монастырей обуславливалось изменением экономического положения и (главное) политического значения этих обителей и не отрицает общего вывода об устойчивости состава правящей церковной верхушки в целом.

ТАБЛИЦА

*Состав и иерархическое расположение монастырей в «лествицах» и соборных актах последней трети XVI – первой половины XVII века.**

МОНАСТЫРИ	Перечень 60 – 70-х гг. XVI в.	Соборный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церковного собора 1589 г.	«Лествица» патриарха Иова 1598/99 г.	Утвержденная грамота 1613 г.	«Лествица» патриарха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное Уложение 1649 г.
Троице-Сергиев	1	1	1	1	1	3 (келарь)	1	1
Рождественский в г. Владимире	2	2	2	2	2	1	2	2
Новоспаский в Москве	3	3	3	3	4		4	4
Новгородский Юрьевский	4	4		4	5		5	5
Чудов в Москве	5	5		5	3	2 (архимандрит) 14 (келарь)	3	3
Симонов в Москве	6	6	4	6	6	4	6	6
Свяжский Богородицкий	7	7		8	7	5	7	7
Андроников в Москве	8	8	5	9	8	6	8	8
Казанский Преображенский	9	9		10	9		9	9
Нижегородский Печерский	10	10		7	11	8	11	11
Новгородский Хутынский	11	11		11	12		12	12
Кирилло-Белозерский	12	12	6	12	13	9	13	13
Переяславский Горницкий	13	13	7	13	14		14	14
Можайский Лужецкий	14	14	8	14	15		15	15
Ростовский Богоявленский	15	16	10	15	16	10	16	16

* Во 2 – 9-м столбцах таблицы цифрами указывается порядок расположения монастырей в рассматриваемых источниках.

МОНАСТЫРИ	Пере- чень 60 – 70- х гг. XVI в.	Собор- ный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церков- ного собора 1589 г.	«Лестви- ца» патри- арха Иова 1598/99 г.	Утверж- денная грамота 1613 г.	«Лестви- ца» патри- арха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное Уложе- ние 1649 г.
Богоя- вленский «из-за Торгу» в Москве	16	15	9	16	17	12	18	18
Спаский (Спасо- Преобра- женский) в Ярос- лавле	17	17	11	17	18	13	19	20
Пафну- тьев Боров- ский	18	18	12	18	19	15	20	21
Иосифо- Волоко- ламский	19	19	13	19	20	16	21	22
Антониев в Новго- роде	20	20		23	22		23	24
Псково- Печер- ский	21	22		42	23		24	25
Спасо- Евфимьев в Суздале	22	23		20	21	17	22	23
Борисо- глебский в г. Смо- ленске	23			21	25			
Тверской Отрочь	24	24	16	25	29		29	31
Возмиц- кий в Волоко- ламске	25	25			30		30	32
Данилов Троицкий в Пере- яславле	26	26	17	26	31		31	33
Вологод- ский Спасо- Камен- ный	27	27		27	28	19	28	30
Ферапон- тов Белозер- ский	28	28		28	32		32	34
Ростов- ский Борисо- глебский «с Устья»	29	29	18	29	33	20	33	35
Рязан- ский Солот- чинский	30	30	21	30	34	21	34	36
Звениго- родский Саввин- Сторо- жевский	31			32	39		39	41

МОНАСТЫРИ	Перечень 60 – 70-х гг. XVI в.	Соборный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церковного собора 1589 г.	«Лествица» патриарха Иова 1598/99 г.	Утвержденная грамота 1613 г.	«Лествица» патриарха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное Уложение 1649 г.
Вологодский Спасо-Прилуцкий	32	31		33	35	22	35	37
Вологодский Троицкий Павлов	33	32		34	40		40	42
Вологодский Глушицкий	34	33		35	41		41	43
Кашинский Калязинский	35	34	19	36	42	23	42	44
Вологодский Корнилевский	36	35		37	43	24	43	45
Переяславский Никитский	37	36	20	38	44		44	46
Можайский Колоцкий	38	37	22	39	45		45	47
Николаевский Угрешский	39			40	46		46	48
Соловецкий		21	14	31	24		25	26
Новгородский Вязицкий		38		41	37		37	39
Спасский (Спасо-Преображенский) в Рязани			15	22	26	18	27	28
Новгородский Духов				24	38		38	40
Костромской Ипатьевский				(строитель)	10	7	10	10
Тихвинский Успенский					27			29
Троицкий Болдин в Дорогобуже					36		36	
Антониево-Сийский					47			
Богоявленский в Костроме						11	17	17

МОНАСТЫРИ	Перечень 60 – 70-х гг. XVI в.	Соборный приговор 1580 г.	Соборный приговор 1584 г.	Грамота церковного собора 1589 г.	«Лествица» патриарха Иова 1598/99 г.	Утвержденная грамота 1613 г.	«Лествица» патриарха Иоасафа 1630-х гг.	Соборное Уложение 1649 г.
Макарьевский Желтоводский с Унжи							26	27
Знаменский на Варварском крестце								19
Астраханский Троицкий								38
Воздвиженский на Арбате								49

Выделение церковных иерархов и представителей крупнейших монастырей как правящей элитной группы русского духовенства ярко проявляется в характере представительства этой группы на земских соборах. Упомянутая выше «Лествица о соборных властях 107-го году» была составлена, очевидно, вскоре после венчания на царство Бориса Годунова и послужила источником для составления перечня духовных лиц второго, окончательного варианта утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова, подписание которой состоялось в начале 1599 г.³⁵ Но сохранился также и ранний вариант утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова, в котором содержатся перечень и подписи представителей духовенства, относящиеся к апрелю – июлю 1598 г. По сравнению с поздним вариантом утвержденной грамоты здесь представлен значительно более широкий состав духовных лиц, которые представляли при этом не только верхушку духовенства, но и второстепенные провинциальные монастыри и белое духовенство. По всей видимости, созыв делегатов на земский собор 1598 г. осуществлялся по двум различным принципам – церковная «элита» во главе с патриархом была призвана на собор поголовно, по принципу своего должностного положения, тогда как остальная часть духовенства – по принципу выборов с мест. Подобный принцип еще более четко прослеживается на земском соборе 1613 г. В утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича в начале (перед подписями членов Боярской думы) идут подписи высшего духовенства – митрополитов, архиепископов, епископов, а также настоятелей 23 важнейших монастырей; прочие же духовные лица подписали грамоту в качестве выборных представителей от различных городов и уездов в конце документа.³⁶ Характерно, что почти все архимандриты и игумены, поставившие свои подписи в начале

35 См. подробнее: Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота... С. 221.

36 Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 75-92.

утвержденной грамоты 1613 г. (за исключением игумена костромского Богоявленского монастыря), являлись представителями тех же монастырей, которые значатся и в «Лестнице о соборных властях» 1598/99 г. Однако и подпись настоятеля Богоявленского монастыря г. Костромы (города, откуда начинался путь Романовых к трону) являлась здесь не случайной. В царствование Романовых власти этого монастыря были включены в состав верхнего правящего слоя духовенства (костромской Богоявленский монастырь значится в упомянутой выше «Лестнице» церковных властей патриарха Иоасафа 1630-х гг.); вполне вероятно, это произошло уже в 1613 г. С другой стороны, из монастырей, власти которых подписали утвержденную грамоту 1613 г. в качестве выборных представителей от уездов (в конце документа), в «Лестнице» 1598/99 г. значится лишь один Антониево-Сийский монастырь. При Романовых власти этого монастыря (служившего в свое время местом ссылки опального Филарета) были, очевидно, исключены из состава церковной «элиты» – во всяком случае, в «Лестнице» патриарха Иоасафа эта обитель не упоминается.

В силу своего чиновно-должностного положения представители верхушки духовенства получали преимущественное право участвовать и в совместных заседаниях освященного собора и Боярской думы, о которых говорилось выше. Эта церковная верхушка, которую можно условно обозначить как «лестничное духовенство», представляла собой определенный церковный институт – собор высших церковных иерархов и настоятелей важнейших монастырей, стоявший над основной массой духовенства. Разумеется, собор высшего духовенства нельзя рассматривать как постоянно действующее, регулярное учреждение; вряд ли он когда-либо собирался в своем полном составе, представленном в «Лестницах» церковных властей.³⁷ Однако это не умаляет его значение как правящей и авторитетной группы духовенства, полномочной от имени русской церкви решать важнейшие вопросы государственной и церковной жизни. Церковная верхушка, о которой идет речь, составляла высший правящий слой не только духовенства, но и русского общества в целом. «Освященный собор» как собрание высших церковных властей во главе с патриархом вместе с членами Боярской думы активно участвовал в принятии важнейших государ-

37 Даже на таких важнейших церковно-государственных мероприятиях, как собор об учреждении патриаршества 1589 г. и избирательный земский собор 1598 г., правящая «элита» духовенства была представлена далеко не в полном составе, о чем свидетельствуют расхождения между перечнями призванных на эти соборы лиц и подписями на соборных грамотах. Архиереи, у которых были свои дела в своих епархиях, попросту не могли беспрерывно жить в Москве. В XVII в. они поочередно призывались в столицу для участия в обсуждении важнейших церковных и государственных вопросов, хотя эта «очередность», по-видимому, не всегда последовательно осуществлялась на практике (Виноградский Н. Церковный собор в Москве... С. 20; Лихницкий И.М. Освященный собор в Москве в XVI–XVII веках... С. 38).

ственных решений и являлся наряду с Боярской думой ядром высших сословных собраний страны – земских соборов.

Приведенные выше данные позволяют прийти к выводу о заметной активизации участия церковной иерархии в политической жизни страны в период учреждения патриаршества. С учреждением патриаршества церковь еще больше, чем прежде, попадает в орбиту влияния государства. Однако это проявилось не в подавлении церкви государством, а во все более тесном переплетении функций государственной и церковной властей.